

Историческое и надвременное у Вяч. Иванова: к 150-летию Вяч. Иванова / Под ред. М. Плюхановой и А. Шишкина. Салерно, 2017. 416 с.

Несмотря на то, что Вячеслав Иванов (1866—1949) традиционно считается «поэтом для немногих», ивановедение занимает в современной науке очень достойные позиции. Сегодня универсализм поэта и религиозного мыслителя, филолога-античника, теоретика символизма и литературного критика притягивает многих. В позапрошлом году среди различных мероприятий, посвященных 150-летию со дня рождения поэта, значимым событием стал X Международный юбилейный симпозиум «Историческое и надвременное у Вяч. Иванова» (Рим, май 2016), собравший исследователей разных стран. Их доклады опубликованы в одноименном сборнике материалов, о котором и пойдет речь.

Тематика статей задана «диалектикой универсального и исторического, манифестацией универсального в актуальном» (с. 22) у Иванова. Заложенный в заглавии антиномизм *исторического* и *надвременного* ориентирован, по-видимому, на символический хронотоп М. Бахтина, если его брать в широком смысле. Различные варианты творческого осмысления эмпирических фактов «вневременной потусторонней идеальностью»¹, скрещивания исторически-временной горизонтали и вертикали вневременного и составляют тот символический хронотоп, важный для Иванова так же, как и для любимых им Данте и Достоевского.

Сборник компактен и хорошо продуман композиционно. Последовательность статей отражает движение смыслов от *надвременного* к *историческому*: от мифологических, философских и богословских оснований универсума — к литературоведческим и языковым дискурсам, воплотившим метафизические искания поэта, а затем — к историко-литературным и архивным реалиям. Эта схема нисхождения дополняется восхождением от частного к общему, от анализа конкретных произведений или поэтических методов — к осмыслению герменевтики Иванова и основополагающих принципов его поэтики в целом.

На анализе философско-богословских идей конкретных произведений Вяч. Иванова в контексте всего его творчества сосредоточены первые четыре статьи сборника. В. Петров в работе «Разнотекущие потоки в “Сне Мелампа” Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ» выявляет напластования контекстов в мифопоэтиче-

¹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 тт. Т. 3: Теория романа (1930—1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 410.

ском сюжете поэмы, что позволяет не только реконструировать «темную теогонию» Иванова, но и доказать конструктивную роль «Монадологии» Лейбница в ивановской картине мира. Эта статья задает метафизическую планку обсуждению заглавной тематики сборника, демонстрируя ключевой метод поэтики мэтра символизма — интертекстуальность — как один из механизмов приближения читателя к высшей реальности, открытой художнику и подтвержденной авторитетными свидетельствами. Метафизическая вертикаль ивановского мироздания реконструируется А. Дудеком в статье «Соотношение религии и культуры в мысли Вячеслава Иванова» на основе обобщенного анализа эссеистики поэта и его работ о дионисийстве. Вывод исследователя вполне ортодоксален: для Иванова религия — «своеобразный стержень культуры, ее ось и аксиологический горизонт» (с. 70).

В статьях С. Каприо «“Повесть о Светомире царевиче”: миф и богословская мысль» и Е. Глуховой «Вл. Соловьев и гностический символизм в “Повести о Светомире царевиче”» уникальное произведение Иванова рассматривается как художественное воплощение убежденности писателя в первостепенной роли религии в истории и культуре. Итальянский богослов уверен в том, что творческий замысел Иванова связан с противостоянием нигилизму современного сознания через порождение новой модели вселенского христианства. Именно им обусловлена многослойная структура «Повести...». В центре внимания российской ученой — гностический слой в «Повести...», восходящий к статьям Соловьева о гностицизме. Автор затрагивает вопрос о правомерности слияния воедино гностической Софии и Софии Премудрости Божией в дискурсе теократической утопии Иванова.

Статья М. Плехановой «Архаика Достоевского у Вяч. Иванова и его последователей» переводит читателя на следующий ярус — мифопоэтический и теургический. Анализ усилий поэта по выявлению глубинной архаической сути романов Достоевского, «художника-теурга», позволяет исследовательнице назвать Иванова «теургом второй степени» (с. 115) (с явной аллюзией на слова Н. Бердяева о «вторичном, филологическом бытии» Иванова) и говорить о теургических интенциях у М. Бахтина и В. Топорова, которые вслед за поэтом-символистом пришли к мифопоэтическому прочтению Достоевского.

Совершенно разное понимание античности находит Ж. Нива у Вяч. Иванова и Иосифа Бродского, сопоставляя римские циклы двух поэтов: для модерниста античность — вечная актуальность, для постмодерниста — окончательный закат. Римская тематика продолжается в работах, посвященных проблеме соотношения времени и вечности в «Римском дневнике», последнем поэтическом всплеске Иванова. А. Бруни анализирует категории памяти и забвения в стихотворении «Via Appia», интерпретируемом как образец диалектического познания мира. А. Пайман размышляет о нелинейном исто-

рико-мифологическом времени, раскрывающемся в «Римском дневнике» через сложное переплетение христианских праздников с астрономическим зодиакальным кругом. Соотношение «церковного» и «персонального» времени в стихах Вяч. Иванова не вполне убедительно пытается рассмотреть также С. Овсянников.

При этом ортодоксальный пафос его статьи логично предваряет концептуальный подход к славянологии Иванова, представленный в статье В. Полонского «Сакральный и актуальный регистры в публицистическом дискурсе Вяч. Иванова о первой мировой войне». В символистском дискурсе феноменальное (война 1914 года) преломляется через утопический историософский проект «вселенского дела» славянства, понимаемого как духовная заданность, а не данность, — утверждает автор. Как видится, концептуально статья строится на аналогии публицистических стратегий Иванова и подразумеваемых богословских методов (апофатическом и катафатическом). По крайней мере, тот факт, что суть «вселенского дела» описывается поэтом-символистом через отмежевание от соблазнов имперско-националистического господства, сильно напоминает апофатику, определяющую Божественную сущность через последовательное отрицание всех ее возможных положительных определений. Реконструируемое же по отдельным намекам поэта катафатическое содержание проекта ближе всего к идее экуменического преодоления конфессиональных разногласий среди славянских народов, противостоящего опасности тотальной секуляризации мировой культуры по фаустианской модели германства. Как осознанную борьбу с секуляризацией понимает «одическую» поэтику Иванова С. Гардзонио. По мнению исследователя, она восходит к додержавинской традиции.

Несколько неожиданно появление в сборнике работы Б. Гаспарова «Футуризм и фонология», в которой нет ни слова об Иванове. Речь в ней идет о влиянии утопических языковых проектов Велимира Хлебникова на лингвистические концепции Р. Якобсона. Тем не менее она выглядит как немаловажный вспомогательный материал к теме рецепции ивановских идей, так как для самого Хлебникова большое значение имели языковые стратегии Иванова, синтезирующие архаику и модернизм.

О музыкально-теургических пророчествах Вячеслава Иванова рассуждает в своей статье К. Зенкин. Констатируя модернистский (не церковно-христианский) характер теургических идей о соборном мистериальном действе, он утверждает, что Иванову удалось сформулировать важнейший принцип новой музыки XX века — «единство структурных элементов вертикали (гармонии) и горизонтали (мелодии)» (с. 209).

Статьи, завершающие сборник, связаны проблемой методологии изучения творчества Иванова, по-разному освещающая антитезу истори-

ческого и надвременного. Д. Магомедова, анализируя интертекстальную плотность стихотворного цикла «Rosarium» на всех его уровнях и демонстрируя внутритекстовые механизмы соединения инкультурных традиций, проблематизирует конвергентность как методологическую основу символистской поэтики Иванова. Г. Обатнин рассматривает «историю текста как метод его анализа» (с. 221) на примере стихотворения «Земля». Статья О. Марченко «Обменный взгляд: к истории творческих отношений Вячеслава Иванова и Владимира Эрна» вносит долгожданную конкретику в непростой вопрос о влиянии молодого философа на поэта-символиста, которого называли русским Данте. Справедливость этого титула подтверждается анализом дантовских влияний на визуальную образность ранних произведений Иванова, проведенным К. Ланда.

Всеохватная универсальность философско-поэтического наследия Иванова, его теургические интенции, языковые стратегии создают почти непреодолимую сложность для переводчиков. Об этом рассуждает М. Саббатину в статье «Как переводить сегодня Вяч. Иванова: лингвистические вопросы и герменевтические соображения». О продуктивности герменевтики Иванова в контексте существующего методологического хаоса размышляет и Л. Силард. Известный с древности метод четырехуровневой экзегетики, применяемый поэтом-мыслителем, значим и для интерпретации его произведений. В статье «Скрытая прозрачность сочинений В. Иванова» к такому же выводу приходит Д. Мицкевич, которого волнует проблема целостного и адекватного описания ивановского мира с опорой на системообразующие принципы его поэтики. Понимание многоярусной сложности мысли и языка поэта открывает его духовный опыт — таков общий итог книги.

С удовлетворением отметим ценность публикуемых в сборнике архивных материалов Вяч. Иванова: микродрамы «Цветы смерти» и стихотворения «Глиеру» (публ. А. Шишкина), лекции о Данте 1921 года (публ. К. Ланда), а также совместной работы А. Устинова и А. Шишкина «*Pictura Poeta Silens: Мстислав Добужинский на "Башне" Вяч. Иванова (художественные контексты)*» и публикации Р. Берда «Последнее произведение Вяч. Иванова: свобода и трагическая жизнь как авторизованный перевод».

Рецензируемый сборник — весомый вклад в ивановедение, поэтому особенно досадны опечатки. Но они не снижают содержательной значимости работ: поиск адекватных методов интерпретации символического мира Иванова, в котором сквозь историческое просвечивает надвременное, по-прежнему актуален.

Светлана ФЕДОТОВА

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН